

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

РОДРИГО Д'АЛЬБОРЕ

**История жизни Моххамеда Зариди,
последнего потомка халифов,
правителей Гранады**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ДВУХ КНИГАХ
ИСПАНИЯ. 16 ВЕК.**

книга 2 "Великий Мавр"

Испанский любовно-исторический роман от Люттоли

Люттоли

Родриго Д'Альборе

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Родриго Д'Альборе / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович», — (Испанский любовно-исторический роман от Люттоли)

Испания. 16 век. Придворный поэт пользуется благосклонностью короля Испании. Он счастлив и собирается жениться. Но наступает чёрный день, который переворачивает всю его жизнь. Король умирает в результате заговора. Невесту поэта убивают. А самого придворного поэта бросают в тюрьму инквизиции. Но перед арестом ему удаётся спасти беременную королеву от расправы.

© Люттоли

© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Люттоли Родриго Д'Альборе

Глава 1

Странный дервиш

Во второй половине дня первого июня 1542 года по склону горы Альпухаррас медленно спускался длинный караван. Лошади и мулы выглядели изрядно уставшими. Они тяжело передвигались под грузом многочисленных тюков, подвешенных к сёдлам. Торговцы, составляющие основную часть каравана, везли в Гранаду разнообразные товары. У них имелось всё. Начиная от миндаля заканчивая тончайшими тканями и оружием. Кроме торговцев в караване находились несколько монахов, оборванный дервиш преклонного возраста с длинной седой бородой и около десятка идальго. Все идальго были облачены в рыцарские доспехи. Они отличались не только одеждой и вооружением, но и своим надменным видом. Во взглядах идальго читалась уверенность в своих силах и молчаливый вызов, относящийся к любому, кто осмелится усомниться в этой уверенности.

Отдельно ото всех остальных, в самом хвосте каравана, плелись три монаха на мулах. Судя по рясам, все трое монахов принадлежали к ордену францисканцев. У всех троих капюшоны были надвинуты глубоко вперёд, на лоб, отчего не представлялось возможным рассмотреть черты лица этих людей. Была ещё одна особенность в этих монахах. В отличие от остальных, они ехали налегке. Скучная поклажа, состоящая из воды и хлеба, почти не обременяла мулов.

С неба начал литься мелкий дождь, когда караван внезапно остановился. Так как караван всё ещё находился на склоне горы, эта остановка вызвала удивление у монахов францисканцев. Один из них негромко окликнул босоногого дервиша, что стоял впереди, на расстоянии нескольких шагов. Слова монаха прозвучали на испанском.

– Брат мой, ты не знаешь, по какой причине караван остановился?

Дервиш обернулся и, скользнув по монахам непонятным взглядом, коротко ответил:

– Проводники каравана – мавры.

– Вот оно что, ... – голос монаха прозвучал глухо, когда он вновь заговорил с дервишем, – на молитву остановились?

От дервиша не укрылась неприязнь, прозвучавшая в голосе монаха.

– Христианин, – отвечал монаху дервиш, – если ты ещё не заметил, в этом караване половина людей мусульмане. Все они сидят в сёдлах и удивлены не меньше вашего остановкой каравана. Мы все вознесём молитву Аллаху, когда достигнем берега Хеннеля. Там есть маленькая мечеть. Мы достигнем её святых стен, едва спустимся с горы. А это произойдёт очень скоро. А по поводу проводников ты прав, христианин. Караван остановился по причине того, что они молятся.

– Брат мой, не мог бы ты объяснить понятнее свои слова, – попросил слегка удивлённый монах, – я не могу понять, по какой причине одни из вас молятся, а другие нет.

– Место, на котором мы сейчас стоим, называют «прощальный вздох мусульманина». Именно здесь, на этом месте, пятьдесят лет назад, плакал последний из рода Насридов, султан Боабдил. Отсюда он смотрел на то, чем владел, и что безропотно уступил христианским королям. Некоторым подобным торговцам в караване не известна эта история. Для других мусульман это место священо. Для остальных подобных мне, это место проклято. Ибо здесь было

положено начало осквернению нашей веры. Мечети были обращены христианами в церкви, а минареты в колокольни. И виной всему явился султан Боабдил, которому не хватило смелости последовать за храбрым Мусой и защитить Гранаду от нашествия христиан.

Дервиш указал рукой, куда-то вправо от себя и добавил:

– За нашими спинами ты ничего не сможешь увидеть. Отойди на сто шагов вправо или влево от каравана, и тогда ты увидишь корону, по которой сокрушался султан. Ты увидишь и самый драгоценный алмаз в этой короне, Альгамбру. Место, где семьсот лет обитали халифы Гранады. Замок Альгамбра воздвигнут на холме Аль – Сабика. С одной стороны Альгамбры течёт мягкий Хеннель. С другой стороны, беспокойная Дарро. Взгляни туда, христианин, и ты увидишь чудо, созданное руками правоверных мусульман, с которым не сравнится ничто из того, что ты видел прежде. Взгляни туда и ты увидишь в Альгамбре дворцы Назари.

С каждым произнесённым словом глаза дервиша зажигались всё ярче и ярче.

Ты увидишь строгий дворец Эль – Мексуар, где по сей день на стенах сохранился девиз Насридов «Нет победителя кроме Аллаха». Именно там правители правоверных свершали правосудие над своими подданными. Ты увидишь великолепный дворец Комарес с величественной башней. Ты узнаешь «зал суда», в котором и по сей день проходят самые значительные события. Именно там, в этом зале, несчастный Боабдил вручил ключи от города христианским королям. Именно там, спустя несколько месяцев после падения Гранады, христианская королева Изабелла принимала Колумба. Ты увидишь ещё один дворец, христианин. Он назван «львиным дворцом». Сады в нём благоухают, а вода, стекающая с гор Сьерра Невады, наполняет бассейны и фонтаны дворца. О нём ты не узнаешь ничего, христианин, ибо дворец львов служил местом, где протекали часы отдохновения халифов. Смотри, христианин. Смотри и наслаждайся этой удивительной красотой. А, наслаждаясь, помни. Мы правоверные создали Альгамбру. В благодарность, вы не только отняли у нас всё это силой, но и преследуете за нашу веру истинному богу. Нет Бога, кроме Аллаха и Магомет – пророк его! Аллах велик! Истина будет жить всегда. Как бы не пыталось спрятать её за своим уродливым обликом, лицемерие.

Закончив говорить, дервиш отвернулся от монахов, а чуть погодя и двинулся вперёд. Все трое монахов обменялись взглядами понятными только им одним. За обменом взглядами, раздался едва слышный шёпот одного из монахов:

– Убить этого нечестивца, ваше преосвященство?

– Только не сейчас. Ночью убейте, когда остановимся на ночлег, – послышался в ответ другой шёпот того монаха, которого называли «ваше преосвященство».

После этого короткого разговора, которого никто не слышал за исключением самих монахов, все трое всё же последовали совету дервиша и, тронув мулов, направились вправо на соседний холм.

С первого взгляда все трое поняли, что дервиш ничуть не преувеличил в своих описаниях. С холма открывался великолепный вид на город Гранаду. Город был расположен на трёх холмах. Повсюду возвышались купола соборов и величественные особняки. Тысячи домов были расположены на склонах холмов. Они, словно карабкаясь, поднимались на сам холм и сливались с общим видом города. Немного в стороне от города стоял на горе тот самый замок Альгамбра, о котором рассказывал дервиш. Замок был окружен высокими крепостными стенами, на которых возвышались величественные башни. С холма ясно виднелись очертания дворцов, и даже смутные силуэты людей снующих по стенам и внутри открытых дворцовых дворики. Отсюда был виден великолепный водоём, перед которым возвышалась одна из башен дворца. Чуть выше дворцов, на крутом склоне горы были разбиты непередаваемой красоты сады с фонтанами и бассейнами, цветами и деревьями. Сады были разбиты на все четыре стороны. Они соединялись в центре, образуя своими формами крест. С того места, где стояли монахи, общая картина представшего перед ними зрелища выглядела таким образом. Замок Альгамбра напоминал своим формами, ... корабль со смещенным носом. Чуть выше

этого корабля располагался огромный зелёный крест. Монахи невольно залюбовались этим зрелищем. Дервиш вновь оказался прав. Ничего подобного они прежде не видели. Неизвестно сколько бы они простояли, любуясь очертаниями Гранады, если б не раздался протяжный крик:

– До Гранады осталось две лиги!

Вслед за этими словами караван тронулся в путь. Монахи поспешили присоединиться к остальным. Меньше всего им хотелось выделяться из общей толпы. Спустя очень немного времени, караван спустился к берегу Хеннеля и остановился на ночлег вблизи маленькой мечети, о которой упоминал дервиш. Не успев как следует расположиться на ночлег, большая часть торговцев стала готовиться к вечерней молитве.

Лучи заходящего солнца окрасили небо в багровый цвет. Пошёл сильный дождь. Но, несмотря на дождь, едва с минарета начали разноситься протяжные слова молитвы, все уже стояли на коленях.

Трое монахов расположились прямо на земле, под ветвями густого дерева. Здесь же они привязали своих мулов. Достав из мешка немного скудных запасов, они молча ели. При этом все трое бросали угрюмые взгляды на молящихся мусульман. Молитва всё ещё продолжалась, когда один из монахов с глубокой ненавистью в голосе прошептал:

– Во истину, Господь испытывает наше терпение. Мерзкий оборванец во всеуслышание хулит святую веру, а эти нечестивцы оскорбляют её своим песнопением. И всем этим богопротивным деяниям потворствует король. Жалкий и ничтожный. Забывший о благочестии и святости. С утра до вечера предающийся собственным удовольствиям и низменным похотям.

Монах на мгновенье замолк, но вскоре снова послышался жёсткий голос:

– Когда все заснут, найдите и убейте этого оборванца. После этого сожгите это богопротивное место.

Не успели отзвучать эти слова, как раздалось два радостных голоса:

– Будет сделано, ваше преосвященство!

Разговор закончился одновременно с молитвой. Занятые приготовлениями, монахи перестали смотреть на дверь мечети, и поэтому не заметили, когда туда вошёл дервиш. Все, кто находились в мечети, включая имама, увидев дервиша, с изумлением застыли на своих местах. В мечети раздался, чей – то благоговейный голос:

– Абу – Омар!

Дервиш оглядел несколько десятков мужчин, что столпились перед ним пронизательным взглядом и голосом, от которого у присутствующих пробежала дрожь по всему телу, медленно заговорил:

– Направляясь сюда, я встретил трёх монахов. Они спрятали от меня лица, но не смогли спрятать души. Я увидел их. Я увидел то, что они принесли с собой. Монахи принесли семена зла. Они будут посеяны до полудня завтрашнего дня. Семена взрастут в течение десяти дней. Я знал, что это произойдёт. Я предостерегаю вас, и передайте мои слова каждому правоверному мусульманину. Смерть нависла над вами, вашими детьми и жёнами. Зло не оставит вас в покое до тех пор, пока не лишит жизни и веры.

– Аллах велик! Аллах велик! – раздалось благоговейные голоса. – Он прислал к нам лучшего из правоверных, дабы он помог нам избежать страшной участи.

Последовавшие вслед за этим слова дервиша, заставили всех буквально оцепенеть от недоумения и ужаса. Настолько странными они были.

– Лучший из правоверных мусульман тот, кто считает себя христианином!

Сказав эти слова, дервиш покинул мечеть так же внезапно, как и пришёл.

После ухода дервиша послышались взволнованные голоса. Все стали вслух размышлять о том, что имел в виду дервиш, сказав им эти странные слова.

Тем временем разразился настоящий ливень. Монахи сидели, поёживаясь, под деревом и с неудовольствием следили за разбушевавшейся погодой. Ещё больше их разозлило пове-

дение служителей мечети. Они во главе с имамом ходили по лагерю и приглашали всех без исключения укрыться от дождя под крышей мечети. Многие приносили благодарности и следовали за ними. К монахам тоже подошли и пригласили переночевать под крышей мечети, но те наотрез отказались. В итоге, ко времени, когда стало совершенно темно, в лагере осталось совсем немного людей. Они прятались от дождя в наспех сооружённых палатках. Под открытым небом оставались лишь трое монахов. Они терпеливо ждали своего часа. Монахи не обращали внимания на струйки воды, что, просачиваясь сквозь ветви деревьев, стекали им на одежду. Они только и делали, что вглядывались в черноту неба, стараясь разглядеть признаки ближайшего прекращения дождя. Но ничуть не бывало. Дождь лил с прежней силой.

Так и не дождавшись благоприятного момента, монахи всё же решили осуществить задуманное. В полной темноте, когда весь лагерь крепко спал, двое монахов поднялись с места. Через мгновение они канули во мрак. Звук дождя заглушал все остальные звуки. По этой причине, сколько не вслушивался единственный оставшийся под деревом монах, он не мог понять, удалось ли осуществить его спутникам задуманное. Монах напряжённо всматривался в слабый свет, струившийся из мечети, в надежде увидеть долгожданные отблески огня. Он провёл в ожидании более одного часа, когда, наконец, появились его спутники. Оба вымокли с головы до ног и дрожали от холода и озноба.

– Дервиш исчез, ваше преосвященство, – сообщили они неприятные вести, – а мечеть поджечь не представляется возможным. Дождь очень сильный. Стены намочили. Сколько ни пытались развести огонь, ничего не получается.

– Оставьте всё и отдыхайте. Завтра нам предстоит много дел, – расстроено прошептал тот, кого всё время называли «ваше преосвященство», – а сюда мы вернёмся позже и завершим то, что не смогли сделать сегодня. И дервиша проклятого найдём.

Глава 2

Гранада

Утром следующего дня, трое уже известных нам монахов, подгоняя мулов, двигались по улочкам Гранады. Проезжая мимо Алькайсерии, места, где располагалась основная торговля в Гранаде, монахи бросали из – под капюшонов взгляды полные ненависти на людей, облачённых в восточные халаты, и чьи головы были покрыты чалмами. Эти люди зазывали покупателей, бойко предлагали товар и вели настолько громкие разговоры, что они отчётливо доносились до слуха монахов. Проехав Алькайсерию, монахи достигли дворца Аль – Мадраса. Ныне здесь располагался городской совет Гранады. Монахи лишь мельком осмотрели величественное здание. Они миновали дворец и уже через очень короткое время, подъехали к огромному постоялому двору, чья известность давно перешагнула границы города. Корраль дель Карбон, на протяжении последних столетий служил местом пребывания и отдыха для всех путешественников и торговцев, прибывающих в Гранаду. Постоялый двор принадлежал мавру. Вся прислуга, включая и тех, кто работал в четырёх харчевнях, состояла из мавров.

Монахи с каждым мгновением становились всё более раздражительными. Они угрюмо смотрели на двух мавров, которые с вежливой предупредительностью приняли у них мулов. Один остался для того, чтобы должным образом позаботиться о мулах, второй же провёл монахов внутрь здания. С той же услужливостью, мавр проводил их до дверей комнаты и, получив плату, ушёл. При всех этих действиях, сказано было всего лишь несколько слов.

Оставшись одни, монахи заперли дверь на засов, сбросили капюшоны, а затем и рясы. У двоих под рясами оказались доспехи. Они были отлично вооружены. В данную минуту, без своих ряс, они больше напоминали идалго, нежели благочестивых братьев ордена францисканцев. У третьего под рясой оказалась красная мантия. Двое из них выглядели молодыми, третий, в епископской мантии, выглядел немногим старше среднего возраста.

– Ждём! – коротко произнёс человек в епископской мантии.

Монахи провели в ожидании около часа, когда, наконец, раздался долгожданный стук. В дверь постучали три раза, затем стук прервался. Спустя мгновение, он снова повторился в той же последовательности. А затем ещё два раза.

– Двенадцать раз, как условлено. Откройте дверь, – тихо прошептал епископ, – это тот человек, которого мы ждём.

Один из подручных епископа направился к двери, в то время как второй, положив руку на эфес шпаги, вперил настороженный взгляд на дверь.

Прибывший незнакомец был подобно монахам облачён в монашескую рясу. Незнакомец подошёл к епископу. Епископ повелительно протянул ему руку. На мизинце епископа было кольцо с большим бриллиантом. Увидев кольцо, незнакомец опустился на колени и почтительно поцеловал протянутую руку.

– Веди нас, – коротко приказал незнакомцу епископ.

Тот без лишних слов поднялся с колен и молча кивнул головой. Все трое снова облачились в рясы. Они вышли вслед за незнакомцем во двор. Братья своих мулов они не стали и последовали за незнакомцем пешком. Они шли на некотором отдалении от него до той поры, пока не достигли здания инквизиции. Они не стали входить с главного входа. Вслед за незнакомцем, все трое обогнули здание, и подошли к маленькой, незаметной железной двери. Снова раздался уже знакомый нам стук. Дверь со скрипом отворилась. Прибывших встретил ещё один человек в монашеской рясе с факелом в руках. Он же впустил их внутрь на узкую квад-

ратную площадку и затворил за ними дверь. Затем все пятеро, гуськом начали спуск по длинной лестнице, окружённой с двух сторон каменными стенами. Лестница вывела их в лабиринт огромного подземелья, что находилось под зданием инквизиции. Проводник монах, уверенно повёл их по одному из ответвлений лабиринта. В лабиринте, по которому они двигались, царил полный мрак. Освещал путь лишь тот факел, что держал в руках проводник. Вначале слышались лишь звуки воды, которая, просачиваясь сквозь стены лабиринта, стекала на земляной пол. Однако очень скоро до них начали доноситься крики. Вначале они были едва слышны. Но постепенно становились всё громче и громче. Вскоре, до них явственно донеслись душераздирающие крики. А вслед за ними мольбы и стенания. Все эти ужасные мольбы не прекращались ни на одно мгновение.

Лабиринт вывел их в небольшое помещение с горящими факелами на дверях. Здесь стояли стол и несколько грубо сколоченных стульев. На столе лежал хлеб и стоял кувшин с вином. Рядом с кувшином были заметны пятна крови. Здесь же находилась ещё одна дверь. Проводник отворил её и вышел в следующее помещение. Это было одно из семи подземных помещений инквизиции, в котором проводились пытки еретиков. Кроме длинного стола, уставленного различного рода щипцами, ножами и прочими ужасающими взгляд предметами, здесь находилось деревянное колесо с ручкой, от которого тянулись верёвки к каменному пьедесталу, служившему местом для пыток. Когда они достигли пьедестала, то увидели лежащего на нём обнажённого человека. Тело этого человека было покрыто кровоподтёками. Безжизненный взгляд был обращён к двум, обнажённым по пояс палачам, что наклонились над несчастным, а окровавленные губы шептали одно и то же слово:

– Верую...

Миновав пьедестал, все пятеро подошли к двери, во всю величину которой был выбит крест. Снова раздался уже знакомый стук. Дверь отворилась. На сей раз, вошёл только один человек, епископ. Остальные четверо остались ждать перед дверью. Епископа встретил ещё один монах с факелом. Он провёл его в следующее помещение. Оставив епископа в этом помещении, монах вышел. Помещение, в котором оказался епископ мало чем отличалось от других, находившихся в подземелье. Это была квадратная комната, полностью сооружённая из камня. Единственное различие находилось в центре помещения. Там в полу, на высоте в половину человеческого роста был сооружён небольшой каменный круг. Круг был до краёв наполнен водой.

Вокруг этого каменного круга стояли одиннадцать человек в монашеских рясах. У всех были закрыты лица точно так же, как у вошедшего епископа. Он молча направился к кругу и занял место, став двенадцатым по счёту. Едва он это сделал, как раздался негромкий, вкрадчивый голос:

– Какие вести принёс из Авиньона наш брат?

– Его святейшество папа окажет всяческую поддержку тем, кто радеет о чистоте святой веры, – негромко, но уверенно отвечал епископ.

– Значит ли это, что папа готов принять нового короля? – раздался новый вопрос.

– Да! – снова раздался уверенный голос епископа. – Его святейшество примет нового короля, в независимости от обстоятельств, приведших к власти приемника...

Услышав слова епископа все одиннадцать человек, явно приободрились. Раздались радостные восклицания, которые сразу же пресёк обеспокоенный голос:

– Братья, не забывайте о том, что самое сложное ещё предстоит сделать. Король как никогда осторожен. Две наши неудачные попытки привели к тому, что он ничего не ест и не пьёт, без предварительной и очень тщательной проверки. Все наши усилия приблизить день истины приводят к неудачам. Он стал подозревать меня. Иначе, чем объяснить его настойчивое желание, которое заставляя меня против воли находиться рядом с королём. Мало того, что чуть ли не ежедневно я испытываю страх за свою жизнь, так мне приходится ещё и терпеть оскорб-

ления от его фаворитов. В особенности, от этого жалкого поэтишки. Я ненавижу столь сильно это ничтожество, что готов пойти на риск и убить его!

– Успокойтесь, брат мой, – раздался ещё один голос, в котором прозвучала роковая уверенность, – поэт умрёт. И умрёт очень скоро. Но сделаем это правильно.

– Объясните свои слова, брат мой, – предыдущий голос прозвучал нетерпеливо и с надеждой.

– Всё очень просто. Всем известна преданная любовь этого человека к королеве. Так воспользуемся ею. Один из наших лучших людей прилюдно и в его присутствии оскорбит королеву неуважительными словами. Поэт обладает пылким нравом, но не владеет шпагой. Первое не позволит ему смолчать. Второе же, отправит его в могилу.

– Великолепно придумано!

Одновременно раздалось несколько голосов.

– Этого выскочку, ничтожного стихотворца, давно пора убить.

– Как и тех нечестивцев, которыми мы окружены со всех сторон. Они отрицают Господа нашего и вытирают ноги о нашу святую веру, – епископ из – под опущенной рясы бросил мрачный взгляд на круг, наполненный водой, в котором отражались все двенадцать фигур и гневно продолжил, – я говорю о маврах. Братья, пришло время очистить нашу землю от ереси. Во имя нашего Господа, во имя священного креста, во имя священного союза, я принял решение остаться в Гранаде. Я прошу вас, братья, доверить мне борьбу с этим злом.

– Наш брат достоин этой чести!

Все присутствующие были согласны с этими словами и открыто поддержали их. Итогом всех этих голосов стал один, выразивший общую волю.

– После смерти нечестивого короля, ты епископ, один из двенадцати, Ниньо де Гевара, возглавишь святую инквизицию.

После этих слов человек, чьё имя больше не было тайной, поклонился собравшимся и произнёс слова благодарности за столь высокое доверие. Едва новоиспечённый глава инквизиции закончил говорить, как прозвучал новый вопрос, и был он адресован одному из двенадцати, чьё лицо, как и остальные по-прежнему скрывала маска.

– Брат мой, вам надлежало изыскать способ установления торжества святой веры. Вам есть что сказать «союзу двенадцати»?

– Есть, – последовал ответ, а вслед за этим отвечавший извлёк из глубин сутаны маленький мешочек из синего бархата, горловина которого была перетянута золотистой тесьмой. Он поднял мешочек над своей головой и продолжал говорить. – Это зелье мне удалось приобрести за огромные деньги. Его привезли из страны, что лежит по ту сторону Великого океана. Это зелье обладает особым свойством и не похоже ни на одно другое. Оно впитывается в кожу человека и отравляет кровь. Достаточно вылить часть содержимого этого мешочка и любой человек умрёт в течение нескольких минут.

– Как же мы сможем применить это зелье? – раздался удивлённый вопрос.

– Как? – вслед за этим вопросом последовали два хлопка. Едва они прозвучали, как одна из потайных дверей открылась, пропуская монахиню в сопровождение двух монахов. Монахи подвели девушку к кругу и застыли рядом с ней. Взгляды присутствующих устремились на новоприбывшую монахиню.

– Это одна из сестёр нашего ордена, – продолжал говорить с воодушевлением тот же голос, – всем известна страсть нечестивца к красивым женщинам. Мы воспользуемся этой слабостью. И в достижении этой великой цели, нам поможет именно она. Через семь дней король устраивает большой праздник. Мы проведём её ко двору и представим королю. Сестра нашего ордена готова пожертвовать своим целомудрием во имя святой веры и священного союза. Она возьмет с ним, а когда он уснёт, использует это зелье.

– Если он соблазнится ею... – раздался голос, в котором слышалось откровенное сомнение.

Сразу после этих слов, повинуясь едва заметному знаку, двое монахов скинули одеяние с монахини. Почти у всех одновременно вырвался восхищённый возглас. Нагота девушки, представшей перед ними, вне всякого сомнения, могла совратить даже святого. На всём теле не было ни одного изъяна. Оно было совершенным во всём. Черты лица отличались редкостной красотой. При всём этом великолепии, глаза излучали холодное спокойствие и уверенность в себе. Девушка даже не смутилась под таким количеством пристальных взглядов. И это обстоятельство произвело на присутствующих гораздо большее впечатление, нежели красота девушки.

– Ты знаешь о том, что тебе предстоит совершить? – раздался негромкий голос.

– Да! – девушка ответила не колеблясь.

– Ты готова выполнить святую миссию?

– Да!

– Да поможет тебе Господь. Мы все будем молиться за тебя!

Глава 3

Донья Роза

Площадь Бимбрамбла одна из наиболее известных достопримечательностей Гранады. Кроме всех прочих архитектурных сооружений, имевшихся в достаточном количестве вокруг площади, здесь находились церковь святых Сенена и Абдона. Кафедральный собор, а так же мужской монастырь святых Сенена и Абдона. Чем ещё была известна площадь Бимбрамбла, так это нищими, выпрашивающими подавание. Здесь их в любое время дня и ночи бывало предостаточное количество. В Гранаде религии так же тесно переплетались меж собой, как и национальности. Нередко возле паперти кафедрального собора, возникали жалкие фигуры в лохмотьях. Именно остатки одежды указывали на принадлежность к иной вере. Такие люди становились жертвами немедленной расправы городской стражи. Но даже страх перед расправой стражников уступал перед разрушительным чувством голода.

Так и протекала жизнь в Гранаде. С одной стороны располагались богатство и могущество, с другой нищета и бессилие.

В полдень, в этот же день, 2 июня 1542 года, молодой человек, облачённый в богатые одежды, появился именно здесь, на площади Бимбрамбла. Молодой человек был даже не смугл, а почти чёрен лицом. Чем напоминал больше мавра, нежели родовитого испанского дворянина, кем он и являлся на самом деле.

При первом же взгляде, лицо молодого человека отталкивало и вызывало невольное отвращение. Хотя справедливости ради, надо сказать, что ничего откровенно уродливого в чертах его лица не было заметно. Попросту этот молодой человек принадлежал к той категории людей, которые и без изъянов вызывают отвращение. И едва ли не более всего способствовал этому отвращению презрительный взгляд, которым молодой человек окидывал всех вокруг себя, и едва заметная злорадная усмешка, застывшая в уголках губ. Голос молодого человека был подстать всему его облику. Он прозвучал, как только ему в ноги бросилась женщина в обносках и стала умолять о куске хлеба.

– Прочь, мерзавка! – грозно закричал на неё молодой человек и не замедлил пнуть нищенку ногой, отчего она опрокинулась на спину и глухо застонала. Не обращая ни малейшего внимания на её стенания, он прошествовал дальше.

Вскоре, молодой человек миновал площадь и подошёл к дому с массивными полукруглыми воротами, перед которыми стоял одинокий стражник с копьём. Заметив молодого человека, стражник с поклоном открыл перед ним одну створку ворот. Даже не взглянув на стражника, молодой человек прошествовал внутрь. Пройдя через ворота, он оказался в небольшом круглом внутреннем дворике, который со всех сторон окружали колонны. Прямо перед ним находилась широкая лестница, которая вела внутрь дома. Слева была ещё одна лестница, которая вела на балкон, нависающий над двориком со всех сторон. Это был один из многочисленных богатых домов существующих в Гранаде, которые походили, друг на друга как две капли воды. Молодой человек не стал подниматься ни по первой, ни по второй лестнице. Он свернул направо и, миновав несколько колонн, очутился перед небольшой калиткой.

За спиной молодого человека послышался почтительный голос:

– Добро пожаловать, Дон Маран!

Молодой человек неторопливо обернулся. Увидев пожилого слугу, он поморщился и с таким видом, будто делает одолжение, заговаривая с ним, спросил:

– А что Донья Роза? В саду?

– В саду, Дон Маран!

– И чего я разговариваю с этим ничтожеством? – пробормотал под нос Дон Маран, не замечая или не желая замечать, что при этих словах старик расстроился.

Он открыл калитку и оказался в маленьком, но ухоженном саду. Не придавая ни малейшего значения окружающей его красоте, Дон Маран по вытоптанной тропинке направился дальше. Тропинка привела его к маленькой заводи. У заводи стояли несколько валунов внушительных размеров. На одном из них, спиной к Дону Марану сидела девушка в жёлтом платье с длинными рукавами и смотрела на одинокого лебедя плавающего в заводи. Длинные чёрные волосы спускались по спине, почти до самого пояса. Девушка, была настолько увлечена созерцанием лебедя, что даже не заметила появление своего кузена.

Чуть помедлив, Дон Маран, осторожно окликнул её:

– Донья Роза!

Девушка встрепенулась и сразу же обернулась к Дону Марану. Донья Роза, несомненно, выглядела довольно привлекательно. Она обладала смуглой кожей, удивительно живыми карими глазами, источавшими мягкое сияние, которое ещё более подчёркивали тонко выгнутые брови. Красиво очерченный рот и губы, на которых появилась мягкая улыбка, адресованная кузену, придавали ей особое очарование.

– Дон Маран!

В голосе Доньи Розы послышалась приветливость и приглашение одновременно. Она протянула кузену правую руку. Дон Маран немедленно бросился перед ней на колени и страстно поцеловал протянутую руку. Ему хотелось дольше задержать руку кузины, но она быстро убрала её обратно и неторопливо опустила на край валуна. Ему поневоле пришлось встать.

– С чего это вы вдруг вспомнили о нас, Дон Маран?

– Не оскорбляйте меня этим вопросом, Донья Роза, – отвечая кузине, Дон Маран не мог отвести взгляда от руки, что лежала на валуне в непосредственной близости от него, – я только и думаю, что о вас. И днём, и ночью, Донья Роза...

– Вы снова принялись за старое? – Донья Роза резко нахмурилась. – Я полагала, что мне удалось довольно ясно объяснить вам свою точку зрения, по поводу надежд, которые вы питаете на наш брак. Больше того, как мне помнится, вы дали слово никогда впредь не упоминать о своих чувствах в моём присутствии.

– Донья Роза! – Дон Маран снова опустился на колени перед кузиной и, устремив на неё глубоко печальный взгляд, при этом, придав голосу трогательные нотки, тихо заговорил. – Умоляю вас смягчить ваше сердце. Не будьте такой жестокой. Позвольте надеяться. Позвольте мечтать о вас, о том дне, когда я получу право назвать вас своей любимой супругой. Я люблю вас, Донья Роза! И с каждым часом это чувство становится сильнее. Я люблю вас вот уже много лет, и вы прекрасно знаете это. Никто другой не сможет вас любить так, как люблю я. Я сделаю вас счастливой Донья Роза, ... клянусь вам!

Не успели последние слова отзвучать, как Донья Роза встала и, бросая на кузена гневные взгляды, отрывисто произнесла:

– Вы дали мне слово, Дон Маран! Только по этой причине, я всё ещё разговариваю с вами.

– Сжальтесь, Донья Роза, – не вставая с колен, ответил опечаленным голосом Дон Маран, – как я могу сдержать данное слово?

– Как? Достаточно вспомнить, что вы дворянин! Но поскольку вы забыли об этом, отныне я запрещаю вам появляться и тем более заговаривать со мной! Прощайте, Дон Маран!

Бросив в лицо кузену эти холодные слова, Донья Роза отвернулась от него и снова занялась созерцанием лебедя.

Дон Маран несколько мгновений медлил. Однако кузина не обращала на него ни малейшего внимания. По сей причине, он принуждён был вначале подняться с колен, а затем и покинуть сад. Оказавшись на достаточном расстоянии от кузины, Дон Маран, сквозь зубы процедил:

– Я собою с тебя эту гордость, брошу под ноги твоё высокомерие. Ты меня ещё умолять будешь о любви, Донья Роза. Да, умолять. Клянусь в этом своей честью. Любой, кто встанет между нами – умрёт. И первым будет он. Родриго умрёт первым. Ему ты отдала всё, когда мне отказываешь даже в самой малости. Так пусть же всё изменится! Я уничтожу его!

Тот самый пожилой слуга, что встретился ему возле калитки, проводил Дон Марана в опочивальню Дона Бенедетто, отца Доньи Розы и его родного дядюшки. Дядюшка хворал последние дни, поэтому и принуждён был принимать всех в своей опочивальне. Дон Бенедетто лежал в просторной кровати, укутанный в несколько тёплых одеял, из-под которых торчал белый колпак. Однако едва Дон Маран, оказался в комнате, как колпак медленно пополз вверх, и показалось изнеможенное лицо. А вслед за этим явлением послышался слабый голос:

– А... Дон Маран, решили навестить меня. Не по случаю ли очередной просьбы? И уж не касается ли эта просьба моей младшей дочери?

– Как вы могли помыслить такое, дорогой дядюшка, – Дон Маран остановился рядом с постелью и придав взгляду глубокую озабоченность продолжал, – забота о вашем здоровье привела меня в ваш дом. Я пришёл спросить, не могу ли я быть чем-нибудь полезен Дону Бенедетто?

– С трудом верится, – пробормотал под нос Дон Бенедетто достаточно громко, для того чтобы его племянник услышал эти слова.

Он их действительно услышал. На это обстоятельство указывал взгляд полный ненависти, который был брошен в сторону больного и которого тут же сменил другой, притворно обеспокоенный. Однако Дон Маран, не стал показывать, что он услышал слова дядюшки.

– Так чем я могу помочь вам, Дон Бенедетто? – учтивым голосом спросил у дядюшки Дон Маран.

– Благодарю за заботу, Дон Маран. Но мне ничего не нужно. Дон Родриго обо всём позаботился.

Выговаривая эти слова, Дон Бенедетто пристально следил за лицом своего племянника. Он увидел, что тот мгновенно помрачнел.

– Дядюшка, вы оказываете незнакомому человеку больше доверия, чем родному племяннику! – Дон Маран не смог сдержаться от замечания, услышав лестный отзыв о своём заклятом враге.

– Почему же незнакомый? – отвечал с усмешкой Дон Бенедетто. – Дон Родриго помолвлен с моей дочерью. Скоро состоится свадьба. Следовательно, он уже сейчас стоит гораздо ближе по родству, чем ты, мой дорогой племянник.

– Вы не можете, не должны выдавать за него Донью Розу, – вскричал с глубокой ненавистью, Дон Маран, – он не заслуживает её! Он червь, ничтожество по сравнению с ней. Донья Роза должна стать моей супругой. Только моей.

– Этому никогда не бывать. Я уже повторял эти слова сотни раз, и не собираюсь ещё раз разговаривать на эту тему. И вообще... у меня разболелась голова.

Дон Бенедетто спрятал лицо под одеяло. Дон Маран, некоторое время с бессильной злобой созерцал торчавший колпак, а потом развернулся и быстро вышел из опочивальни. Он уже собирался покинуть дом, как услышал, что его зовут.

– Дон Маран!

Он остановился и с удивлением оглянулся. В одной из дверей он увидел лицо Доньи Флоры, старшей сестры Доньи Розы. Она поманила его рукой. Дон Маран, без раздумий направился к двери. Впустив его в свою комнату, Донья Флора затворила дверь и повернулась к нему лицом. Донья Флора была несколько выше своей сестры и, вне всякого сомнения, превосхо-

дила её красотой. Но от её красоты веяло холодом. Её так и называли за глаза «Холодная красавица». Донья Флоре исполнилось двадцать лет. Она была на год старше своей сестры. Каждый её жест, каждое слово подчёркивали собственную значимость. Она лучше, чем кто – либо другой знала себе цену. И при случае была готова наглядно продемонстрировать это качество. Она, как и Дон Маран, не терпела поражений. В этом они были схожи. И именно это качество привело к этой встрече и к этому странному разговору.

– Дон Маран, я знаю, вы безумно влюблены в мою сестру!

Этими словами, произнесёнными с некоторой настороженностью, и вполголоса, Донья Флора начала разговор со своими кузеном.

– Я скажу вам то, в чём вы уже сумели убедиться сами, – продолжала говорить всё более уверенным голосом Донья Флора, – в этом доме вы не найдёте ни сочувствия, ни понимания. Отец вас ненавидит, а сестра, ... сестра презирает.

При этих словах, Дон Маран, слегка побледнел.

– Но я готова вам помочь. Больше того, я предлагаю вам свою дружбу. Я предлагаю вам союз, который поможет вам добиться руки моей сестры. Она подчиниться вашей воле. Я смогу это сделать для вас.

– Вот как? Сможете? – Дон Маран, с изрядной долей насмешливой недоверчивости посмотрел на Донью Флору. – Насколько мне известно, вы ненавидите меня едва ли не больше вашего отца. Так почему я должен верить вашим словам, Донья Флора? С чего это вы решили мне помочь? И с чего это вдруг так резко изменили мнение обо мне?

– Я не изменила своего мнения, – последовал невозмутимый ответ, – я по-прежнему считаю вас ничтожеством, Дон Маран. Вы мне отвратительны и омерзительны.

– Не слишком приятные уверения в дружбе, – Дон Маран, криво усмехнулся, – достаточно откровенно, Донья Флора. Достаточно откровенно... и более запутанно. Я не понимаю вас.

На этот раз кривая усмешка появилась на губах Доньи Флоры.

– Не удивительно, Дон Маран. Вы никогда не блистали умом. Хотя на самом деле всё просто. Вам нужна Донья Роза...

– А вам Дон Родриго. Вы влюблены в него! – догадался Дон Маран.

До него дошло то, чего желала получить его кузина. Его чувства совершенно не интересовали её, впрочем, как и чувства родной сестры. Она преследовала собственные интересы. И при этом хотела использовать в качестве достижения своей цели, его чувства к Донье Розе.

«Достаточно омерзительно, – думал Дон Маран, бросая исподлобья взгляды на выжидательную позу кузины. – Что ж, тем лучше, ... тем лучше. Она хочет получить Родриго. Но она его не получит, потому что я его убью. Иного не будет. Но её помощь может оказаться весьма кстати. А возможно она станет самым важным обстоятельством в достижении моей цели. Как же быть в случае, если я получу свое, а она нет?

– Так что ж, Дон Маран? – раздался нетерпеливый голос Доньи Флоры.

– Вначале я хотел бы услышать ваш ответ по поводу моего предположения!

– Я люблю Дона Родриго. Он будет принадлежать мне и только мне одной. Вас удовлетворяет такой ответ, Дон Маран?

– Да, – Дон Маран кивнул, – меня удовлетворил ваш ответ, но свой ответ я вам не готов дать. К тому же, откуда мне знать, что вы сдержите своё обещание? Донья Роза обладает достаточно сильным характером. Её будет нелегко убедить.

– Это вас не касается, – раздражённо перебила его Донья Флора, – я вам предложила действовать вместе. В этом случае, каждый получит то, чего он хочет. Если же вы откажетесь от моего предложения, тогда обещаю вам, что вы никогда не получите руки моей сестры.

– Иными словами говоря, я должен подчиниться вашей воле, дорогая кузина?

– Именно. Вы кузен, должны делать то, что я вам скажу. Если, конечно, хотите получить мою сестру.

Донья Флора открыла дверь и, держа её за ручку, застыла. Прежде чем уйти, Дон Маран, бросил на неё насмешливый взгляд, словно говоря, что её мечтам не суждено сбыться. В ответ кузина наградила его взглядом, полным презрения.

– Идите и хорошенько поразмыслите обо всём!

Этими словами она напутствовала уход своего кузена. Дон Маран покинул дом. Донья Флора после его ухода заперлась в своей комнате и стала обдумывать состоявшийся разговор. В отличие от Дона Марана, о чувствах которого знал едва ли не весь город, её истинные мысли не знал никто. Даже родная сестра не подозревала об этих чувствах, ибо она тщательно скрывала их ото всех, дожидаясь своего часа. И этот час, по её мнению, пробил.

Глава 4

Придворный поэт

В нескольких часах езды от города, у подножья горы, в роскошной долине, расположилось озеро. Это место являлось настоящим оазисом. Озеро находилось в окружении экзотических деревьев, чьё присутствие довольно обычно в южных странах. Озеро, деревья и маленький водопад, низвергавшийся с многовековых камней, привлекли внимание королевской особы. Раз, побывав в этом месте, король в окружении своих приближённых, возвращался на это место, вновь и вновь. И делал он это практически всегда, когда на него накатывала хандра. Это место, как ни одно другое, по странной причине, избавляло его от скуки и вселяло бодрость.

И в этот солнечный день, как и в прежние добрые дни, на берегу озера расположились около двух десятков палаток. Все они были похожи друг на друга и принадлежали королевской свите. Исключение составляла лишь палатка короля. Палатка короля Испании стояла в самом центре импровизированного лагеря, как раз напротив водопада. Рядом с палаткой был разбит открытый шатёр. Пол шатра был устлан разноцветными коврами, на которых стоял одинокий трон. Чуть далее был сооружён ещё один открытый шатёр. Внутри шатра стоял длинный стол, который был всегда уставлен вином, фруктами и яствами. Здесь, в отличие от дворца, допускалось несоблюдение этикета. Придворные получали право не считаться с присутствием короля и вести себя так, как им заблагорассудится. Редкая вольность! По этой причине, придворные, побывавшие с королём на озере, выдвигались едва ли ни в ранг фаворитов.

Здесь король предавался веселью без оглядки на ежедневные дела государства. Едва ли ни самым излюбленным способом для короля коротать время, стали разного рода состязания, которые он ежедневно устраивал для своих придворных. Особо отличившихся ждала достойная награда. Последнее обстоятельство привело к тому, что придворные предвкушали начало таких состязаний с не меньшим удовольствием, чем сам король.

И этот день не стал исключением. Едва король вышел из палатки и занял место на троне, как подле него сразу же появились несколько дам в роскошных нарядах и группа кавалеров. Отличительной особенностью в одежде и тех и других, являлись пышные кружева, плотным кольцом располагающиеся вокруг шеи. Хотя стоит заметить, что дамские кружева были гораздо выше и пышнее. Все они расположились на коврах в непосредственной близости от его величества. Король, превосходивший всех не только роскошным одеянием, но и возрастом, довольным взглядом окинул прибывших и благосклонно кивнул своему младшему брату, принцу Хуану, рядом с которым, по обыкновению, стоял его наперсник граф де Реас. Их почти всегда видели вместе. Маленькая фигура и мрачное лицо графа Реаса плохо сочеталась с обликом принца Хуана, который унаследовал лучшие черты королевской семьи. И, тем не менее, их объединяла крепкая дружба. Мало кто понимал, что может быть общего между этими двумя совершенно разными людьми. Об этой странной дружбе говорили едва ли не больше, чем о необычных отношениях, которые связывали короля и придворного поэта, всеми признанного и главного любимца короля.

Понемногу, количество людей рядом с тронном увеличивалось. Все молча занимали место рядом с тронном. Каждого из них король встречал приветливой улыбкой. Очень скоро, все за исключением немногочисленной стражи собрались вокруг трона. Все молчали, ожидая, когда заговорит король. Но король, по всей видимости, не собирался этого делать. Он о чем-то размышлял. Вероятно, раздумывал над тем, что преподать в качестве нового состязания.

Неожиданно для всех, лицо короля выразило глубокое изумление, которое тут же перешло в отчётливую растерянность. Придворные были крайне заинтригованы такими переменами. Все придворные как один проследили за взглядом короля и сразу же поняли причину этих перемен. В нескольких шагах от них проходил молодой человек. Из одежды, на нём были лишь короткие белые подштанники с оборками возле колен. Он был бос, к тому же полностью обнажён до пояса.

Молодой человек обладал неким утонченным изяществом, которое идеально сочеталось с великолепным телом. Более всего это замечалось при ходьбе. Гибкая, мускулистая фигура двигалась настолько красиво, что все, и в особенности женщины, словно завороченные следили за каждым шагом этого человека.

Кроме всего прочего, молодой человек обладал манерами изнеженного щёголя. Это с очевидностью проявилось в тот момент, когда он медленными движениями собрал длинные волосы на затылке в тугий узел и тут же театрально подставил голову под палящие солнечные лучи. Отчего чёрные волосы словно стали светлее и заблестели.

Однако не только восхищение являлось причиной столь пристального внимания к этой странной особе, но и, без преувеличения сказать, безграничное удивление. Ибо появиться в таком виде перед королём означало неслыханную дерзость. Общее молчание нарушил обескураженный голос короля:

– Родриго, как ты можешь? Появляться в таком виде... ты ведь голый!

Молодой человек остановился и повернулся лицом к королю. Ему едва минуло двадцать три года. Черты лица ничуть не уступали статности его фигуры. Безукоризненные и чертовски привлекательные, как выражался сам король, они идеально сочетались с голубыми глазами и ослепительно белой кожей, на которую южное солнце наложило лёгкий загар. Оно выражало в полном смысле этого слова, море обаяния и немного озорства. Улыбка появившаяся на губах могла очаровать кого угодно. «Красавец Родриго». Это был именно он, Родриго Д, Альборе, придворный поэт короля Испании. Мужчины его ненавидели, а женщины о нём мечтали.

– Родриго! Ты ничего не хочешь мне сказать? – вновь послышался голос короля.

– Это зависит от того, что хочет услышать ваше величество, – последовал ответ придворного поэта.

– Правду и только правду, Родриго! – внушительным голосом произнёс король.

В ответ Родриго пожал плечами и ответил:

– Я выполнял приказ вашего величества!

– Мой приказ? – король поразился этим словам. Ибо они были ни чем иным, как самой наглой ложью. Он тут же высказал это в лицо своему придворному поэту.

– Ваше величество часто забывает о своих приказах, – последовал новый ответ.

– Я приказал тебе ходить голым передо мной? – король был возмущён и не скрывал это.

Придворные затаили дыхание в ожидании долгожданного падения королевского любимца.

– Для начала, я не совсем голый, ваше величество, – невозмутимо отозвался Родриго, – ну, а в продолжение возьму на себя смелость напомнить приказ вашего величества. Не далее как вчера, вы приказали нам «делать все, что только душе заблагорассудится». Вы так же добавили: «Не стоит обращать внимания на меня, сеньоры, так я почувствую себя равным среди вас».

– Но я же не приказывал ходить тебе голым, Родриго! – король сделал слабую попытку парировать слова придворного поэта.

На губах Родриго появилась озорная улыбка. Он лукаво сощурил глаза и, разделяя каждое слово, ответил королю:

– Но вы, сир, приказали делать то, что нам захочется и не обращать на вас внимания. Мне вот захотелось искупаться и, разумеется, я верный поданный моего короля. По этой при-

чине я выполню вторую часть вашего приказа так же добросовестно, как и первую, и не стану обращать внимания на ваши упрёки.

Родриго развернулся и, разбежавшись, прыгнул в воду. Король с минуту выглядел растерянным, видимо пытаясь, осмыслить слова своего любимца. Постепенно его лицо разгладилось. Более того, он радостно заулыбался, чем вызвал неприязненный взгляд родного брата, который давно и от всей души ненавидел придворного поэта. Впрочем, не только он один его ненавидел.

– Родриго прав, – неожиданно для всех заявил король, – я не вправе упрекать его, после того как сам же приказал делать все, что ему заблагорассудится. Возможно, мне следует хорошенько подумать, прежде чем отдавать подобные приказы, а возможно и нет. В любом случае Родриго подал мне прекрасную идею. Мы устроим состязание. Состязание в стихотворной форме, – по мере того как король говорил, он всё более и более воодушевлялся, – каждый из вас, – король обвёл рукой всех вокруг себя, – обязан сочинить четверостишие. Вы адресуете его мне, а я постараюсь придумать сразу ответ. Тоже в стихотворной форме. Лучшее четверостишие будет отмечено мной достойной наградой. Начнём с моего дорогого брата.

– Меня? – принц Хуан вздрогнул и с некоторым недовольством и тревогой посмотрел на брата. – Но я не силён в поэзии.

– Постарайтесь, и у вас получится, – король подбодрил его взглядом.

– Проклятье! – вырвалось у принца. Он тут же попросил прощения. В ответ раздался насмешливый голос короля:

– Начало есть. Остаётся совсем немного.

После слов короля послышался лёгкий смех. Состязание начиналось. Пока принц раздумывал о том, что можно придумать, остальные стали усиленно раздумывать над тем, какое сравнение может понравиться королю более всего. Спустя некоторое время, все только и знали, что бормотали под нос отдельные слова.

Лишь один человек не участвовал в этом состязании. Родриго доплыл до другого берега озера. Он вскарабкался по камням к верхнему краю водопада, который возвышался над озером. Там же возле водопада он улёгся на огромный валун и подставил тело под солнечные лучи. Родриго лежал недолго. Он поднялся и, встав на край, посмотрел вниз. Низвергавшаяся вода манила его. Издав короткий возглас, он оторвался от камня и, широко разведя руки в разные стороны, прыгнул вниз. Он испытал невыразимое блаженство за те несколько мгновений, что провёл в воздухе. Тёплая вода приняла его в свои объятия. Родриго ушёл почти до самого дна. Он сразу вынырнул и размашистыми гребками поплыл к берегу. Он вышел на берег в превосходном настроении. Купание и прыжок придали всему телу необычайную лёгкость.

Едва он появился на берегу, как король немедленно призвал его. Родриго не стал медлить. Когда он приблизился к королю, со всего тела стекали струйки воды. Но короля в данную минуту, его вид интересовал менее всего.

– Я терплю поражение, Родриго, – сразу же пожаловался ему король, – сокрушительное поражение. Мы устроили состязание в стихотворной форме. Смысл состоит в том, что мне говорят стихи, а я должен отвечать на них таким же образом. Как назло, сегодня у меня нет поэтического настроения. Поэтому я решил прибегнуть к твоей помощи. Ты будешь на моём месте. И ты будешь отвечать за меня.

Не говоря ни единого слова, Родриго прошёл к трону и сел у ног короля. Он несколько раз тряхнул головой, не замечая или не желая замечать, что брызги летели на одежду его величества. Король бросил на него донельзя довольный взгляд, а уж потом, торжествующий – на придворных.

– Мы готовы отвечать вам всем. Битва начинается, сеньоры. Первое слово вам, маркиза. Не могли бы вы повторить стихи, которое поставили нас в затруднительное положение?

Король посмотрел на молодую женщину в красивом, зелёном платье.

Величием своим вы ослепили!
Изыществом обворожили
Прошу у бога лишь одно
Быть вашей верною рабою!

– Отлично сказано, – похвалил молодую женщину король.

Та попыталась покраснеть, но у неё ничего не получилось. Что у неё получилось и довольно неплохо, так это высокомерный взгляд, брошенный в сторону придворного поэта с быстротой полёта стрелы. Это был самый настоящий вызов. Родриго это понимал не хуже других. Он незаметно усмехнулся. Послышался нетерпеливый голос короля.

– Родриго помни, сейчас ты отвечаешь за короля! Мы все с нетерпением ждём ответа.

Воцарилась полная тишина. И среди этой тишины раздался голос, который то затихал, то взлетал высоко, то произносил слова с непередаваемым очарованием или скрытой насмешкой и глубоким смыслом.

– Красив твой слог, но это лишь слова,
Похожие на дуновение ветерка
Что лишь касается меня!
Слащав язык, что мёд несёт
Но это лишь пчела,
И сладость только обещает
Возьмёшь её – она ужалит!

Первым начал аплодировать король. За ним, с некоторой неохотой остальные придворные. Лишь маркиза не аплодировала. Она насупилась и гордо приподняла голову в знак того, что считает подобную дуэль ниже своего достоинства.

– Вы не хотите продолжить, маркиза? – поинтересовался с весьма довольным видом король.

– Мне гордость не позволяет опускаться до уровня...этого сеньора!

Вслед за высокомерным голосом маркизы последовал голос Родриго:

– Гордыня вовсе не порок
Страдают многие недугом этим
Но в них сокрыта главная беда
Блаженных чувств смертельная обида!

Король весело захохотал и бурно зааплодировал своему любимцу. Придворные принуждены были подражать королю.

– А теперь о моём брате!

Родриго перевёл взгляд на принца Хуана и без раздумий продекламировал:

Он тих и молчалив
Покорен воле брата
Но только оступись
Возникнет облик «гада»

Король заразительно захохотал. В то время как принц со своим наперсником бросали на Родриго взгляды полные ненависти и злобы. Родриго давно привык к таким взглядам и давно перестал обращать на них внимание.

Король, не переставая, смеялся, окидывая вызывающим взглядом придворных. Однако никто более не осмеливался состязаться с его любимцем. Ибо каждый знал, на что тот способен.

В четвёртый раз раздался голос Родриго. Он с откровенной насмешливостью начал цитировать свои новые стихи.

- Он не король и не святой
- Он необычен и простой
- Он глуп, а так же и умён
- Он и един и разделён!

Сидя в ногах у короля, Родриго не мог видеть его лица. Но он видел лица придворных. Они с некоторой опаской поглядывали в его сторону. Из чего Родриго сделал вывод, что в данную минуту король смотрит на него. И смотрит, по всей видимости, не очень приветливо.

– Надеюсь, ты не меня имел в виду? – раздался сверху гневный голос короля.

– Мне интересно, что именно, какое слово навело на эту мысль ваше величество? – голос Родриго прозвучал со скрытой иронией, которая осталась незамеченной.

Все прекрасно поняли значение последней строки. Придворный поэт откровенно намекнул на сложные отношения короля со своей супругой, королевой Испании. Понял это и король. Он гневно поглядывал на макушку своего любимца. Благо тот не видел этого. Впрочем, по его виду нельзя было сказать, что его беспокоит возможный гнев короля.

– Он един и разделён. Уж не на мои ли отношения с королевой ты намекаешь? – с весьма хмурым видом поинтересовался король.

– Я намекаю на отсутствие таковых. И почему ваше величество обратило внимание только на эти слова? Ведь были ещё другие.

– Ложь от начала до конца!

– Это зависит от того, с какой стороны взглянуть!

– И с какой стороны смотришь ты, Родриго?

– Не с той, с которой смотрит ваше величество!

– Следовательно, ты действительно имел в виду меня?

– Выводы тоже можно сделать разные!

– Я уже сделал вывод!

– И какой же ваше величество сделало вывод?

– Если это ложь, так ты клеветешь на меня. А если правда, так дерзишь!

– Как это похоже на вас. Выводы разные, итог один.

– Именно. Ты виноват передо мной, Родриго. С какой стороны не посмотреть.

– Возможно, вы и правы, ваше величество. В своё оправдание могу сказать, что я лишь плачу вам той же монетой.

– И в чём же виноват перед тобой я?

– Вы ещё спрашиваете? Ваше величество всеми способами оттягивает мою свадьбу. Больше того, вы не позволяете мне видиться с невестой.

– На это у меня есть серьёзные причины, Родриго.

– Они у вас всегда есть.

– Ты стал злым, Родриго, но я прощаю тебя. Более того, я открою тебе истинную причину такого поведения. Я нуждаюсь в тебе гораздо больше, чем твоя невеста. Она может подождать, а я нет. И потом, когда ты женишься, наша дружба может закончиться.

– Ну и, Слава Богу!

– Родриго, ты стал бессердечным.

– Не удивительно, находясь столько времени рядом с вами.

– Ах, вот как ты заговорил, – вскричал король, вскакивая с трона, – так иди же, – он указал рукой куда-то в сторону, – иди к ней и навсегда забудь обо мне. Забудь о своём несчастном друге.

Не успели прозвучать последние слова короля, как Родриго вскочил с места и бросился бегом к палатке. Он опасался, что король может передумать. По этой причине даже не оглянулся назад.

– И никогда больше не возвращайся, ... изменник, – гневно бросил ему вдогонку король.

Король проводил его взглядом до самой палатки. После ухода Родриго, раздался недовольный голос принца Хуана:

– Ваше величество, как долго мы будем терпеть дерзости этого никчемного поэтишки?

– Родриго прекрасный поэт, – король излишне резко ответил своему брату, – он мой друг. Единственный друг.

Король, пришедший в дурное расположение духа, покинул шатёр и сразу же уединился в своей палатке. Придворные стали понемногу расходиться. Наиболее дальновидные остались рядом с принцем. Пока король был бездетен, он являлся единственным наследником престола. Об этом нельзя было забывать.

Глава 5

Встреча

Возвратившись в Гранаду, Родриго первым делом отправился в северную часть города, на маленькую улочку вблизи монастыря Картузианцев, под названием «Картуха». Там он снимал небольшой домик в течение последних нескольких лет. Улочка находилась в непосредственной близости от дворца, что делало проживание на ней крайне удобным для него. Ведь именно во дворце он проводил большую часть своего времени. И вообще, Родриго редко пользовался этим уютным домиком, о котором практически никто не знал.

Оказавшись дома, он переоделся в чистую одежду и, взяв несколько серебряных монет, что хранились в маленьком сундучке, сунул в карман. Кованый сундучок был единственным предметом мебели в доме, не принимая во внимание, довольно истрёпанной на вид кровати и зеркала, что висело слева от входной двери. Сундучок служил для Родриго и хранилищем его скудных капиталов, а заодно столом и стулом одновременно. Он любил жить налегке и не придавал значения предметам вокруг себя. Роскошь его настораживала. Ибо в ней он видел лень и глупость. По этой простой причине, он сразу же тратил те немногие средства, что переходили из кармана короля в его собственный. И на сей раз, убедившись в том, что монеты короля благополучно опустились в карман, Родриго предстал перед зеркалом. Он придирчиво осмотрел белую рубашку и в особенности кружева на груди и рукавах. Убедившись в том, что на них нет ни одного пятнышка, он перевёл внимание на короткие штаны, спускавшиеся чуть ниже колен. Штаны были тёмно коричневого цвета, как и чулки. Чулки спускались от нижнего края штанов и исчезали за высокими бортами чёрных туфель на высоких каблуках с увесистой пряжкой.

Осмотр занял очень немного времени. В конце осмотра он собрал волосы и закрепил их по обыкновению на затылке тугим узелком. Затем взял с постели брошенную шпагу и прикрепил её к поясу. Ещё раз осмотревшись, Родриго сделал вывод, что его вид соответствует цели предстоящего визита. Сделав этот вывод, он тут же забыл о своём наряде. Насвистывая весёлый мотив, он вышел из дома на улицу и неторопливо направился в сторону площади Хесуса.

Дорога заняла у него чуть более четверти часа. Первым делом, Родриго отправился приветствовать будущего тестя. Поговорив с ним некоторое время о некоторых незначительных вещах, Родриго отправился в покои Дони Розы. На его стук никто не откликнулся. По всей видимости, она куда-то ушла. Расспросив первого попавшегося слугу о своей невесте, Родриго узнал, что она по обыкновению ушла в сад, где проводит все дни напролёт. Эта весть наполнила его глубокой радостью. Сад являлся любимым местом для них обоих. Именно там он впервые признался в любви и узнал, что ему отвечают взаимностью. Родриго поспешил туда.

Когда он вошёл в сад, то первое, что услышал...песню соловья. Соловей издавал настолько красивые звуки, что Родриго некоторое время стоял и прислушивался к ним. Затем он наклонился к кусту цветущих роз и, вдохнув их аромат, сорвал одну из них. С розой в руках он направился по тропинке к заводу. Он увидел одновременно обеих сестёр. Обе сидели на камне, спиной к нему и смотрели на лебедя, который кружился по воде, словно в такт мелодии, издаваемой соловьём. Родриго был очарован этим зрелищем. Он застыл с розой в руках на небольшом отдалении от сестёр, которые всё ещё его не замечали.

Пролетели несколько мгновений. Внезапно соловей замолчал. Лебедь сразу же неподвижно застыл. Родриго увидел, как его невеста опустила руку в воду и начала выводить круги. Он сразу догадался, что она расстроилась из-за того, что соловей перестал петь. Он широко улыбнулся. Через мгновение обе девушки слышали голос полный глубокой нежности:

Трель соловьиная неслась
Подобно музыке волшебной
И пронеслась меж цветов,
Улыбкой одаря безмятежной!

Песнь в благоухающем саду
Коснулась слуха Доньи Розы
Что, примостившись у воды,
С сестрой за лебедем следила

Подобно им, он встрепенулся
Заслышав призрачный мотив
Помедлив, в заводь окунулся
И плавно, медленно поплыл

Любуясь отражением своим,
Что рядом двигалось за ним
Он крыльями взмахнул, затих...
И тут же в танце закружился!

Песнь соловья его вела,
В водовороте лебедя кружила,
Она его обворожила,
Мгновеньем счастья наградила!

Замолк певец
и всё вокруг остановилось,
Холодным стало и пустым
То, что как чудо изливалось

С глубокой грустью по воде
Она рукою закружила

Ты не грусти, любовь моя,
Твой соловей опять вернулся
Веди его к мечте своей
Как млечный путь,
Что ниспускаясь
Слепца доводит до дверей!

– Родриго!

Голос Доньи Розы был полон невыразимого счастья. Она сорвалась с места и бросилась к своему жениху. Родриго подхватил невесту на руки. Губы влюблённых слились воедино. Донья Флора стояла у воды и искусала губы до крови, наблюдая за этой встречей. От неё не укрылась ни одна мелочь. Она увидела и то, что, держа на руках невесту, Родриго зажимал между пальцев цветок розы. Поцелуй затягивался, и она осознала, что не выдержит и сорвётся, если будет и дальше наблюдать за ними. По этой причине она решила немедленно покинуть сад. Никто из

двоих не должен был догадаться об её истинных чувствах. А она была в том состоянии, что могла с лёгкостью выдать себя.

– Не буду вам мешать, – прерывающимся от сдерживающего гнева голосом пробормотала Донья Флора и направилась в их сторону. Заслышав её голос, Родриго освободил объятия. Затем вручил цветок своей невесте и направился в сторону свояченицы. Сопровождаемый одобрительной улыбкой своей невесты, он подошёл к Донье Флоре. Она протянула ему руку.

– Примите моё уважение, сеньора!

Родриго поцеловал её руку и, высказав несколько незначительных комплиментов, вновь вернулся к невесте. Оба испытывали восторг от этой встречи. Донья Флора сослалась на неотложные дела и всё-таки покинула сад. Оказавшись вне сада, Донья Флора остановилась. Приветливую маску тут же сменила глубокая мрачность. Глаза её зловещие заблестели.

– Примите моё уважение, сеньора;...ты сполна ответишь мне за эти слова, сестрёнка!

Она отправилась в свою комнату и сразу же написала письмо. Запечатав его, Донья Флора позвала одного из слуг. Она ему вручила письмо с наказом: «Передать лично в руки Дона Марана»

Ни Родриго, ни сама Донья Роза даже не подозревали об истинных чувствах девушки, которая только что покинула их. Они с увлечением предались душевному разговору. Они могли часами напролёт разговаривать друг с другом. И даже это время, казалось им ничтожно малым. Так происходило и сейчас. Они стояли посередине сада, держась за руки, и окидывали друг друга нежными взглядами. Нередко раздавался счастливый смех влюблённых.

– Я люблю тебя!

Вновь и вновь шептал Родриго, каждый раз приправляя свои слова очень нежными поцелуями.

– Я сомневаюсь в твоей любви, – слова Доньи Розы никак не вязались со счастливой улыбкой, что не сходила с её уст, – вот уже месяц прошёл после нашей последней встречи. Я только и делаю, что сижу с утра до вечера в саду и смотрю на этого дивного лебедя, которого ты мне подарил. Видимо, таким образом ты намеревался возместить своё отсутствие. Родриго, ты всегда находишься рядом со мной, во дворце. Неужели так трудно найти время, и прийти сюда?

– Любовь моя, ты даже не представляешь насколько это трудно, – тяжело вздыхая, отвечал Родриго, – король не спускает с меня глаз. Он требует моего постоянного присутствия рядом с собой. Он даже мои покои велел перенести. Теперь они находятся рядом с покоями короля. Это незначительная деталь позволяет его величеству навещать меня среди ночи. А, учитывая его постоянную бессонницу, он приходит ко мне едва ли не каждую ночь и просит почитать стихи. Дело дошло до того, любовь моя, что я королю прямо в лицо сказал, что у меня не бывает бессонницы. И добавил, что не люблю, когда меня тревожат ночью. Так он сделал вид, будто не слышит мои слова, и на следующую ночь повторилось всё то же самое. Если дело пойдёт так и дальше, я могу возненавидеть и короля, и поэзию. В последнее время, я только и говорю, что одни дерзости. Сегодня мои усилия, наконец, принесли плоды. Король изгнал меня. Я сразу сбежал.

– Бедняжка! – Донья Роза весело засмеялась, когда Родриго снова тяжело вздохнул и опасливо оглянулся назад, в сторону калитки.

– Я и сейчас не чувствую себя в безопасности. То и дело, кажется, будто откроется эта калитка, и я услышу голос, – Родриго изобразил несчастный вид и жалостливым голосом, подражая королю, произнёс. – Родриго! Это я, твой несчастный друг! Мне скучно!

– Он любит тебя, Родриго. Многие мечтают оказаться на твоём месте.

– С удовольствием уступлю его, любовь моя. К тому же, кроме любви есть нечто ещё.

– И что же?

– Король ревнует меня. И в особенности к тебе, любовь моя. Он полагает, что ты нуждаетесь в моём обществе гораздо меньше, чем он сам.

– Родриго, это же король. Он может с лёгкостью разрушить наше счастье, – Донья Роза слегка побледнела, выговаривая эти слова своему жениху.

– Поверь мне, любовь моя, если бы король чего-то захотел – это бы уже осуществилось. Я прекрасно знаю его нрав. Он может быть мягким, добрым, и в то же время абсолютно безжалостным. У него переменчивый характер. По большому счёту, ни один человек в нашем королевстве не имеет представления, что сделает король, услышав дерзость в свой адрес. Он может сделать вид, будто ничего не слышит, а может с лёгкостью отдать такого человека в руки палача. К тому же его истинные мысли знает лишь один человек – он сам. В любом случае, – продолжал говорить Родриго, успокаивая и обнадеживая своими словами невесту, – король не станет противиться нашему браку. Он осведомлён о моих чувствах к тебе. Настанет день, и он сам объявит о нашей свадьбе. А до тех пор, нам обоим придется запастись терпением.

– Я готова ждать сколько угодно. Я люблю тебя и только тебя! – Донья Роза доверчиво прижалась к груди Родриго.

Он обнял её за плечо и повёл к заводу. Они сели на валун, не отпуская рук, и некоторое время сохраняли полное молчание, наслаждаясь близостью друг друга. Чуть позже между ними снова завязался разговор. На сей раз, король был позабыт. Оба делились своими впечатлениями о времени, которое они провели в разлуке. О своих мыслях, общих планах на будущее. Не раз во время разговора раздавались нежные признания в любви и уверения в верности и преданности. Не раз прерывистый шёпот сменялся долгим поцелуем. Им ничего не было нужно, кроме того, что у них было в эти мгновения. Оба были счастливы.

Слова из уст текли, выливаясь в нескончаемый разговор. Родриго собирался, было устроиться у ног своей возлюбленной невесты и прочитать очередное стихотворение, которое он ей посвятил, как вдруг вспомнил, что обещал навестить святого отца. Пообещав невесте вернуться очень быстро, благо, святой отец служил в церкви Сан Хуан де лос Рейес, Родриго покинул сад. Чуть позже он покинул и дом. Родриго не заметил, как вслед за ним из дома выскользнула женская фигура, плотно укутанная в тёмную накидку. Стараясь быть незаметной, Донья Флора, а это была именно она, последовала за ним в сторону площади Бимбрамбла, через которую держал путь Родриго.

Глава 6

Схватка

Получив письмо от доньи Флоры, в котором говорилось о приезде Родриго, дон Маран, прихватив шпагу и кинжал, вышел из своего дома. Он сразу же направился в сторону площади Бимбрамбла, справедливо полагая, что именно там ему удастся перехватить своего врага.

Прибыв на площадь, дон Маран, стал раздражённо ходить взад вперёд. Он решил во что бы то ни стало дождаться своего противника. Пусть даже ему придётся стоять здесь до поздней ночи. Мрачный вид донна Марана как нельзя кстати подходил мыслям, что одна за другой роились в его голове. Он прикидывал, каким образом убьёт этого поэтишку. Он перебирал один за другим возможные способы, пока не мелькнула мысль о том, что противник может попросить пощады. Что делать в случае, если тот попросит пощадить его? Это мысль лишь некоторое время занимала его.

– К чёрту пощаду, – раздражённо думал, Дон Маран, – убить и всё тут.

Ему исполнилось 27 лет. Из этих 27 он лишь год или два занимался фехтованием. Фехтовал он довольно сносно. По его глубокому убеждению его умения должно было хватить для победы. Насколько он знал, его противник, который приходился на четыре года моложе его самого, совсем не умел фехтовать.

Мысли Дона Марана были внезапно нарушены. Кто-то сзади уцепился за его ноги и прошептал:

– Хлеба, добрый господин! Подайте хлеба!

Дон Маран обернулся словно ужаленный. Увидев лицо человека, у которого она просила милостыню, нищенка поднялась с земли и уставилась на него испуганными глазами.

– Опять ты...

Дон Маран, со злостью ударил её в грудь рукой. Нищенка попятилась назад и опрокинулась на спину. Но упасть её не позволил вовремя подоспевший...Родриго. Он подхватил нищенку и помог ей подняться на ноги. Прделав всё это, он с упрёком обратился к Дону Марану:

– Дружище, подобный поступок не делает вам чести. Более того, я бы назвал его мерзким,...э, кажись, я вас знаю, – Родриго внимательней присмотрелся к Дону Марану, – не кузен ли моей невесты передо мной?

– Он самый, – с мрачным видом ответил Дон Маран, и так же мрачно закончил, – а передо мной бывший жених моей кузины, а ныне покойник.

Бросив эти слова, Дон Маран выхватил шпагу из ножен. Увидев это, Родриго отступил на несколько шагов назад и поднял обе руки, призывая к спокойствию.

– Право, кузен, я вовсе не желал вас обидеть. Не стоит заходить так далеко.

– Сражайся или я убью тебя, – с мрачной усмешкой предложил Дон Маран, наступая на Родриго. Тот снова попятился назад и снова выставил вперёд руки.

– Остановитесь, Дон Маран. Это же глупо, в самом деле. Не можете же вы убить жениха своей кузины. Мы ведь с вами родственники.

– Не смей называть меня кузеном! – прошипел Дон Маран.

– Вам не нравится это слово, кузен? А вот мне нравится. И вы мне тоже нравитесь,... кузен, – Родриго по прежнему отступал, а Дон Маран наступал.

Вокруг них начала собираться толпа любопытствующих. Наблюдая интерес зрителей к происходящему, Дон Маран торжествовал.

«Пусть все увидят, ... пусть она узнает, как он унизил этого изнеженного выскочку!».

Будь Дон Маран повнимательней, он бы заметил, что на губах Родриго играет лёгкая усмешка. И что самое важное, слова Родриго, которые можно было принять за страх, никак не вязались с его весёлым видом. Так как Дон Маран всё время наступал, Родриго пришлось остановиться. Он решил подождать, пока противник с ним сблизится. Пока тот приближался, Родриго лишь разговаривал, упрасывая того отказаться от поединка. Он даже шпагу из ножен доставать не стал.

– Ну, как же мне вас убедить, дорогой кузен, – говорил Родриго, приправляя свои слова театральными жестами, сопровождающимися ахами и вздохами, – пусть вы и совершили низкий поступок. Решили испробовать свои силы на этой несчастной женщине, которая едва стоит на ногах. Вам и этого мало, так вы желаете и бедного поэта убить. А, кузен?

– Доставай шпагу или мне придётся тебя убить, – процедил сквозь зубы Дон Маран.

Он остановился в двух шагах напротив Родриго. Тот даже с места не сдвинулся. Лишь тяжело вздохнул и грустно произнёс:

– Если вы настаиваете, – Родриго не без труда вытащил шпагу из ножен и оглядел со всех сторон. Сразу после этого осмотра он принял растерянный вид и жалобным голосом обратился с вопросом к Дону Марану:

– Вы не подскажете, с какой стороны следует держать шпагу, дорогой кузен?

– С той, которой вы уже держите!

– Благодарю вас, я не был уверен!

У Дона Марана лишь на мгновение мелькнули угрызения совести. Это поединок мог стать самым настоящим убийством. Что скажут о нём люди? Дон Маран оглянулся по сторонам. Почти все смотрели на него с неодобрением. Да, этот поступок не делал ему чести. Но и что же? Донья Роза того стоила. Оба стали в позицию и уже собирались скрестить шпаги, когда на площадь въехала кавалькада всадников. Один из них отделился и поскакал в направлении дуэлянтов. Узнав всадника, и Родриго, и Дон Маран, низко поклонились. Появившийся не вовремя всадник, был не кто иной, как сам король. Он пустил коня, шагом двигаясь вокруг двух человек, что стояли с опущенными шпагами в руках. На губах у короля заиграла лукавая улыбка, когда он обратился к своему любимцу.

– Ты, как я погляжу, занят делом?

– Выясняем родственные отношения с кузеном, ваше величество, – откликнулся Родриго.

– Прекрасная идея, – одобрительно отозвался король, не переставая кружить вокруг них, – я бы и сам не прочь размяться. Но раз у меня нет такой возможности, предлагаю тебе пари.

– С удовольствием принимаю. На кого ставите, ваше величество?

– Конечно, ... на тебя, Родриго. Десять золотых. Принимаешь?

Родриго угрюмо покосился на улыбающегося короля.

– Иными словами говоря, в худшем случае я могу умереть, в лучшем же для меня исходе поединка, мне придётся вам заплатить. Не думаю, что такое пари можно назвать справедливым ваше величество.

– Не хочешь, не надо, – король безразлично пожал плечами, – я не собираюсь настаивать. И вообще, Родриго, у меня мало времени. Я собираюсь навестить кое-кого, поэтому оставляю вас. Когда закончишь ... со своим кузеном, сможешь меня легко найти.

– Ну, уж нет, – Родриго отрицательно покачал головой, – я не собираюсь вас искать. Только не сегодня.

– И всё же тебе придётся, – король расхохотался, чем привёл своего любимца в полное расстройство. Он начал понимать, кого именно хочет навестить король.

– Надеюсь, ваше величество не собирается знакомиться с моей невестой? – в голосе Родриго прозвучала слабая надежда.

– Именно к ней я и собираюсь. И ещё... хочу пожелать удачи твоему противнику. Он даже не представляет, насколько она ему необходима сейчас.

Выговорив эти слова, король пришпорил лошадь и поскакал. Пока Дон Маран размышлял о последних словах короля, пытаясь понять их значение, Родриго проводил его величество хмурым взглядом и, повернувшись к противнику, спросил:

– Может, передумаете, и не станете со мной драться... а, кузен? Поверьте, сейчас я преbываю в прескверном настроении и не готов умереть.

– Придётся!

Дон Маран бросился на Родриго и нанёс удар, целясь в самое сердце.

Донья Роза с удивлением прислушивалась к звукам, доносившимся из дома. Их было такое количество, что происходящее вполне напоминало настоящий переполох. Раздался звук открываемой калитки. Она радостно вскрикнула и помчалась по тропинке к калитке.

– Родриго!

Едва она исторгла этот крик, как с изумлением остановилась... а в следующее мгновение низко присела перед стоящим впереди человеком.

– Встань, дитя, – ласково произнёс король, – надеюсь, ты простишь мой внезапный приход. Мне хотелось увидеть ту, что украла сердце моего любимца.

– Простите, ваше величество, – пролепетала в смятении Донья Роза, – я ожидала Родриго и по этой причине...

– Родриго занят дуэлью на шпагах со своим или вашим кузеном. Точно я не расслышал. Пока он дерётся, мы с вами побеседуем.

– Дуэль? – Донья Роза страшно побледнела и прижала руки к груди. – Его убьют... его...

– Никто его не убьёт, – сразу же успокоил её король, – Родриго может постоять за себя не хуже любого другого в нашем королевстве.

– Родриго – поэт, ваше величество. Ему чуждо оружие. Он никогда не умел обращаться со шпагой.

Услышав эти слова, король расхохотался.

– Ты плохо осведомлена о достоинствах Родриго, милое дитя. Как известно, в Испании никто лучше меня не владеет шпагой. Открою тебе маленькую тайну. Родриго фехтует наравне со мной. А порой, мне даже кажется, что он превзошёл меня. Так что, дитя моё, подумай лучше о том несчастном кузене, который, по всей видимости, даже не подозревает, с каким опасным противником имеет дело.

И сам Дон Маран, и свидетели дуэли были поражены легкости, с которой придворный поэт отбил все атаки. Особенно внимательно следила за поединком Донья Флора. Она стояла среди простых горожан и, тщательно скрывая лицо под накидкой, не упускала ни малейшей детали из происходящих событий. Она видела, что Родриго просто играет со своим противником. Он легко отбивал все атаки, в свою очередь лишь изредка тревожа противника явно показными ударами, которые тот, тем не менее, отбивал с невероятным трудом. Неожиданно для всех в разгар поединка раздался раздражённый голос Родриго:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.